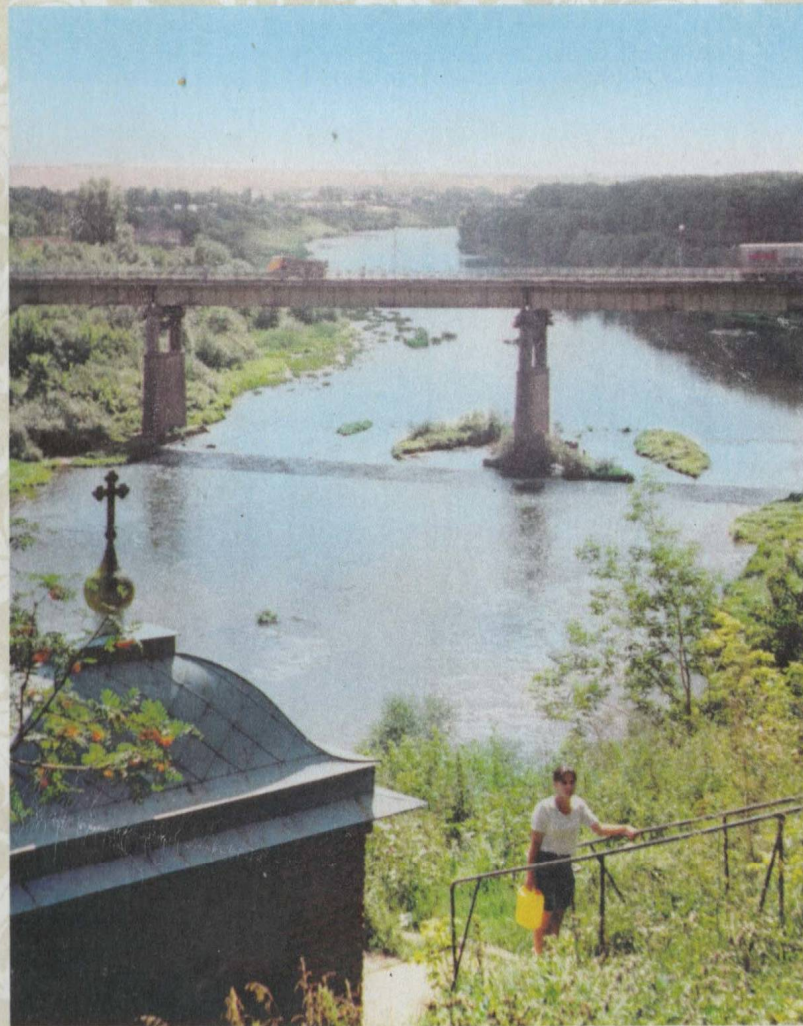

ЦЕНА
4613
105

Г. РЫЖКИН

Краеведческие
записки

Краеведческие записки

Выпуск пятый

2015

Рыжкин Г. В.

Краеведческие записки, выпуск пятый, 36 с., с илл.

В пятом выпуске «Краеведческих записок» повествуется о связи покушения на царя Александра II с Ливнами, участии 143-го пехотного Дорогобуржского полка в Первой мировой войне, родословной ОАО «Этанол», врача М. Н. Маслове, ливенских мостах и письмах с фронта и на фронт в период Великой Отечественной войны.

Адресована широкому кругу читателей.

Использование материалов — по согласованию с автором.

© Рыжкин Г. В. — 2015

© Дизайн автора

Фото из архива автора.

Компьютерная вёрстка С. Сажин.

Сверстано и отпечатано на полиграфическом оборудовании
ООО «Уездный город», 303850 Орловская обл., г. Ливны,
ул. Ленина, д. 26. Зак. №19, т. 20 экз.

Покушение на Александра II и первый почетный гражданин Ливен

На царя — реформатора Александра II было совершено семь покушений, причем одно из них вызвало большой резонанс в Ливнах, а к другому, хоть и косвенное, имел отношение и наш земляк.

Стал почетным гражданином

Первое покушение на жизнь царя совершено 4 апреля (старый стиль) 1866 года, когда человек с внешностью простолюдина выстрелил в Александра II, который, как обычно, прогуливался в Летнем саду, недалеко от Зимнего дворца — резиденции царя.

Около четырех часов пополудни Его Величество выходил из Летнего сада в обществе герцога Лейхтенбергского и своей сестры, принцессы Баденской. Вокруг собралась многочисленная толпа прохожих. Один из них, одетый как мещанин, извлек из кармана своего пальто пистолет и направил его на императора, собравшегося садиться в коляску. Находящийся рядом со злоумышленником мужик закричал: «Ты что делаешь?». Потом бросился вперед и резким движением ударил стрелка по кисти руки, в которой был пистолет. В это время произошел выстрел. Пуля просвистела мимо уха императора. Толпа набросилась на террориста, и он не успел выстрелить вторично. Вот как вспоминал сам Александр II об этом: «... Я никак не мог вообразить, что в меня стреляют. Повернувшись, я увидел, что какой-то человек падает... Я подошел, тут мне говорят, что было. Я обратился к нему (стрелявшему) и говорю: «Кто ты такой?». Первое его слово: «Я — русский» — и потом, обратившись ко всем окружающим и показав на меня, он сказал: «Я в него стрелял, потому что он вас всех обманул...».

Следствие установило, что террорист действительно русский, Дмитрий Владимирович Каракозов, уроженец Саратовской губернии, бывший студент Московского университета.

Но на первый план вышел тогда не теракт, а спаситель царя. Им оказался крестьянин Костромской губернии Осип Комиссаров, работавший в Петербурге шляпником. По возвращении во дворец, император сразу же принял его. Во дворце собрались офицеры гвардейского полка, самые знатные представители дворянства. Под радостные возгласы «У-р-р-а-а!» Александр II тут же подписал патент на дворянство Комиссарову и дал ему фамилию Костромской. С этого и начинается умопомрачительный взлет простого крестьянина.

Однако, когда поздно вечером ошалевший от всего пережитого Осип Иванович вернулся домой и все рассказал жене, то та не поверила ему и решила, что муж выпил лишнего, отметив в тот день свои именины. Прозрение пришло позже, когда об этом заговорил

весь Петербург, и в семью полились несказанные деньги — только жители Москвы собрали несколько сот тысяч рублей в пользу спасителя царя и Отечества.

Хрупкий на вид блондин маленького роста, от рода двадцати лет был нарасхват. Его приглашали на всевозможные собрания и банкеты, где звучали овации и государственный гимн. Не умеющего ни писать, ни читать новоиспеченного дворянина стали «носить на руках». Поэт Н. А. Некрасов пишет:

Сын народа! Тебе я пою!

Будешь славен ты много и много!

Осипа осыпают множеством наград, учреждается стипендия его имени. Из сибирской ссылки возвращают отца, осужденного за конокрадство. Везде восхваление, везде почет!

Настоящий фурор производит этот человек и на «отцов» города Ливны. Собрание городской ратуши — органа самоуправления — сочиняет и направляет рапорт орловскому губернатору: «... общество купцов и мещан города Ливны 14 числа сего апреля на общем собрании изъявили желание принять дворянина Осипа Ивановича Комиссарова <...> первым почетным гражданином города Ливен».

Губернатор Левашов неожиданно сообщил о прощении ливенцев в столицу. Через месяц Министерство внутренних дел прислало долгожданный ответ: «...Его Величеству благоугодно было изъять Всемилостивейшее соизволение на предоставление О. И. Комиссарову-Костромскому звания почетного гражданина города Ливен». Впоследствии это звание получили многие знатные люди города, но Осип Иванович в этом списке числится первым! Несмотря на то, что ни разу не бывал в Ливнах, а, может быть, и вообще не слышал о существовании такого города. Так он и вошел в историю Ливен как почетный гражданин под № 1, хотя судьба его была незавидной — бремя славы оказалось непосильным для Осипа Ивановича, он постепенно спился и в 1892 году покончил с собой в приступе белой горячки в возрасте 46 лет.

Второе покушение на Александра II совершено 6 июня 1867 года, когда пребывая на Всемирной выставке в Париже и следуя в открытой коляске вместе с императором Франции Наполеоном III из толпы раздались один за другим два выстрела. Террористом оказался участник польского восстания 1863 года Антоний Березов-

ский. Для обоих императоров все обошлось благополучно, а стрелявший был приговорен к пожизненной каторге.

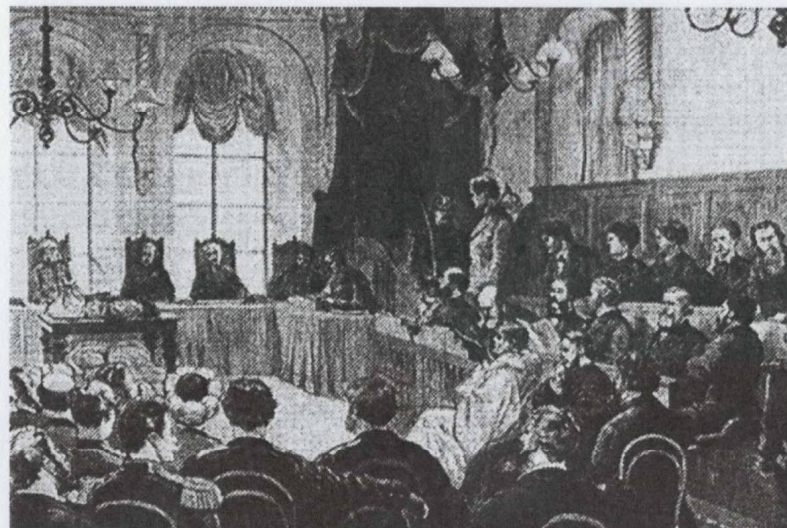
Третье покушение

Остановимся подробнее на третьем покушении, так как в нем наш земляк вроде бы и не участвовал, но в деле об этом факте его фамилия фигурировала.

В 1850 году на Воробьевской слободе города Ливны, располагавшейся ниже нынешнего спиртзавода, в семье приказчика винных складов, принадлежавших купцу Холину, родился мальчик, которого назвали Иваном. Закончил уездное училище. Когда в городе начало получать распространение фотографическое дело и стало прибыльным, заводит фотосалон. Но это занятие не может заменить ему влечение к живописи, и он уезжает в Санкт-Петербург, где в 1872 году поступает в Императорскую академию художеств, самое знаменитое учебное заведение России, готовившее художников.

В это время в северной столице идет становление революционной народнической организации, которая к 1876 году окончательно формируется под названием «Земля и воля». Одним из основателей ее являлся Г. В. Плеханов. Главными целями были следующие: крестьянская революция, национализация земли. А средством для достижения этих целей считали сближение с народом — жить с крестьянами, работать вместе, учить их революционному делу.

Радикально настроенные члены организации присматриваются к Ивану Проскурнину. Нелегкое детство, студенческая бедность вызвали в нем протестные настроения, недовольство укладом российской жизни. И, естественно, народовольцы находят в нем своего единомышленника. В круг самых близких товарищей ливенца входит и Александр Соловьев, также молодой человек, дворянин, бывший учитель и Екатерина Челищева. Вскоре Соловьев и Челищева заключают фиктивный брак, живут порознь. Екатерина переезжает в отдельную комнату съемной квартиры, где жили ливенские художники Николай Лосев и Иван Проскурнин. Екатерина Челищева-Соловьева сближается с Иваном и весной 1877 года вместе с ним уезжает в Ливны. Оба ведут здесь революционную пропаганду. Пытаются создать отделение «Земли и воли», но дело успехом не увенчалось — населе-

Суд над участниками покушения на Александра II.

ние захолустного купеческого городка было занято повседневными делами и ему было не до политики.

Пробыв в Ливнах три месяца, Иван и Екатерина возвращаются в столицу, и вместе с членами организации продолжили изучение политэкономии, вели пропагандистскую работу. А тем временем Александр Соловьев готовится к покушению на Александра II, и оно произошло 2 апреля 1879 года, когда император совершал утреннюю прогулку возле Зимнего дворца. Приблизившись на двенадцать шагов, Соловьев сделал выстрелы. Вот что писали «Московские ведомости»: «...Злодей шесть раз и почти в упор стреляет в Государя, но у крамольника отуманились глаза, дрожат руки и ни одна из всех пущенных шести пуль даже не задела невидимо кем хранимого Императора».

Александр Соловьев был схвачен, попытка отравиться цианистым калием не увенчалась успехом. На судебном процессе товарищей не выдал, хотя принадлежность к организации народников не отрицал. По решению суда был повешен.

Что касается Ивана Проскурнина и его товарищей, то они не понесли наказания, хотя в деле их имена фигурировали. А вскоре

в результате идейных противоречий их организация раскололась. Проскурнин в 1881 году вторично поступает в Академию художеств, от политики отходит и целиком посвящает себя живописи. В 1895 году получает звание художника I степени. Во время обучения получает пять серебряных медалей. Впоследствии написал немало известных картин, которые ныне хранятся в Русском музее, в разных галереях страны. Проработал в Академии художеств до самой смерти в 1901 году.

1 марта 1881 года совершено седьмое покушение. Под карету, в которой ехал Александр II, была брошена бомба. Он остался невредим, перекрестился и склонился над одним из раненых. В это время прогремел второй взрыв. На сей раз чуда не произошло.

* * *

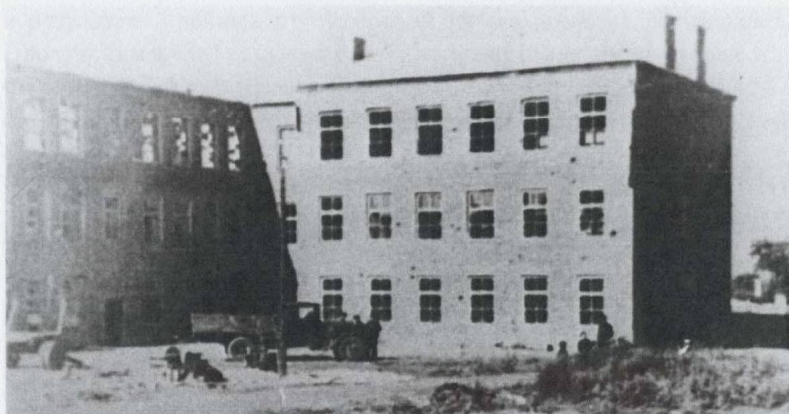
На месте гибели императора была установлена часовня. Решение о возведении часовни в честь императора Александра II в Ливнах осуществилось через три года после его гибели — в 1884 году. Ее поставили вблизи Старогеоргиевской церкви, которая находилась во дворе нынешней школы №6. Называли ее Александровской и простояла она более полувека. И теперь ничто не напоминает в нашем городе о трагических событиях того времени, если не считать это повествование.

После боя. 1914 г.

Трагедия 143-го полка

С 1868 года в Ливнах дислоцировались подразделения 143-го пехотного полка, в 1899 году недалеко от ж/д вокзала возвели для него здания. Одно из них сохранилось до сих пор. Построено оно из красного кирпича и стоит на территории площадки №1 «ГМС Ливгидромаш» вблизи железнодорожного пути.

*Здание, в котором размещался
143-й Дорогобужский полк (1954 г.).*

Вообще говоря, 143-й полк назывался Дорогобужским, хотя и размещался в Ливнах, а Ливенский полк стоял в Калуге. Так именовать полки было заведено в царской России, вероятно, с той целью, чтобы запутать иностранную разведку. Численность полка составляла несколько тысяч человек, и, чтобы снизить нагрузку на города дислокации, подразделения (батальоны) были разбросаны по разным местам.

7 июля 1906 года два батальона полка, в момент, когда в России происходили крестьянские беспорядки, были направлены в Воронежскую губернию для их подавления. А в 1907 году дорогобужцы праздновали столетний юбилей со дня своего формирования, и получили новое Георгиевское знамя с надписью «За Севастополь в 1854 и 1855 годах» и датами: «1806-1906». Прислано оно было вместе с императорской грамотой, гласившей: «Нашему 143-му пехотному Дорогобужскому полку... Повелеваем знамя сие употреблять на службу Нам и Отечеству с верностью и усердием, российскому воинству свойственным. Николай». Командир полка полковник Одинцов в ответной телеграмме обещал верно хранить новое знамя, как святыню, и передать потомкам завет стяжать величие Монарху и славу Русскому оружию».

В Первой мировой войне полк воевал в составе 36-й пехотной дивизии XIII армейского корпуса 2-й армии считанные недели. В сражении под Танненбергом (Восточная Пруссия) 15-16 августа 1914 года был окружен и уничтожен немцами. Из числа знамен 2-й армии

спасенными оказались знамена трех полков. Знамя 143-го полка германцы также не захватили. Позднее, в берлинском военно-историческом музее демонстрировались лишь элементы знамени: древко, копье и скоба, найденные немцами 29 августа среди тел убитых русских солдат у деревни Дереттон (ныне Доротово). В музее выставлялась и грамота, посланная в столетие полка. Эти реликвии вернулись в нашу страну после окончания войны 1941-1945 годов.

Но как же, все-таки, погиб полк?

Командир XIII армейского корпуса генерал Ключев при выступлении на позиции из Алленштейна для охраны города и имущества полков оставил батальон 143-го и еще батальон 141-го Можайского полка. Эти два батальона подверглись нападению германских войск. Причем героически сражавшийся батальон дорогобужцев был уничтожен полностью. Остальные батальоны Дорогобужского полка по личной инициативе командира полка полковника В.В.Кабанова у деревни Доротово были развернуты в боевой порядок, чтобы остановить противника. Несмотря на сильный натиск превосходящих сил немцев и огромные потери (в некоторых ротах до 92 процентов), батальоны полка до вечера упорно отстаивали свои позиции, а затем ночью отошли вдоль берега озера Гросс Плауцигер. Соединились с дивизией.

В результате изучения разнообразных исторических источников стали известны подробности произошедшего. Артиллерию в Алленштейне не оставили. Повозки с патронами не подошли. Из четырех пулеметов отстреливался только один, потом ввиду отсутствия патронов и винтовки перестали стрелять. Против немецкой артиллерии у дорогобужцев оставалось одно оружие – русский штык. И пошли они в штыковые атаки, неся огромные потери. Был убит пятидесятирехлетний командир полка Кабанов. Всего 10 солдат остались в живых. Они понесли своего убитого командира полка и знамя в сторону границы. Когда возникла угроза пленения, знамя сорвали с древка и спешно зарыли его вместе с Георгиевскими и Александровскими лентами. Немцам удалось захватить лишь древко со скобой и навершие, которые и попали в берлинский музей.

Судьбу знамени рассказал в 1965 году в журнале «Военная быль» В. Гodelюк со слов поручика С. Офросимова, который после разгрома полка, раненый, отступал лесом с товарищами. Случайно встретились с небольшой группой солдат их же полка во главе с унтер-офицером. Последний имел при себе свернутое знамя, которое он передал

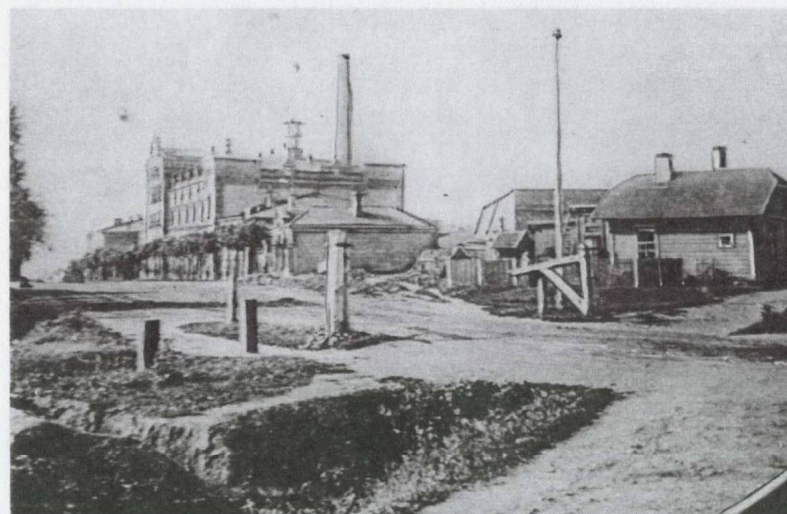

*Здание, в котором размещался
143-й Дорогобужский полк (вид с фасада, 1945 г.).*

Офросимову. Всем им удалось пробраться к своим и передать полотно знамени 143-го Дорогобужского полка начальствующему составу. Ныне цела «Императорская грамота на вновь высочайше пожалованное знамя 143-му пехотному Дорогобужскому полку в день 100-летнего юбилея полка», подписанная императором хранится в научном архиве Российской истории Российской академии наук.

И последнее. Минуло ровно 100 лет со дня гибели полка, расквартированного когда-то в нашем городе, а это значит, что на чужой земле сложили головы несколько тысяч наших соотечественников, среди которых наверняка были ливенцы. Всего в Первую мировую войну на фронт были мобилизованы 30 тысяч жителей Ливенского уезда, до 6 тысяч из них пали на полях сражений. Многие совершили подвиг во славу русского Отечества, среди них известные ныне 8 полных кавалеров Георгиевского креста (четыре ордена), наших земляков. Или взять генерала Н. Г. Матвеева, выпускника Ливенского реального училища, награжденного восемью орденами, или другого выпускника того же училища Павла Лаврова, летчика, погибшего в Первую мировую... Сотни патристических биографий.

И вот бы поставить в городе хотя бы простой памятный знак, напоминающий потомкам о подвигах их предков. Ведь столетие минуло, да и было бы это вместо слов делом, направленным на воспитание патриотизма у молодого поколения.

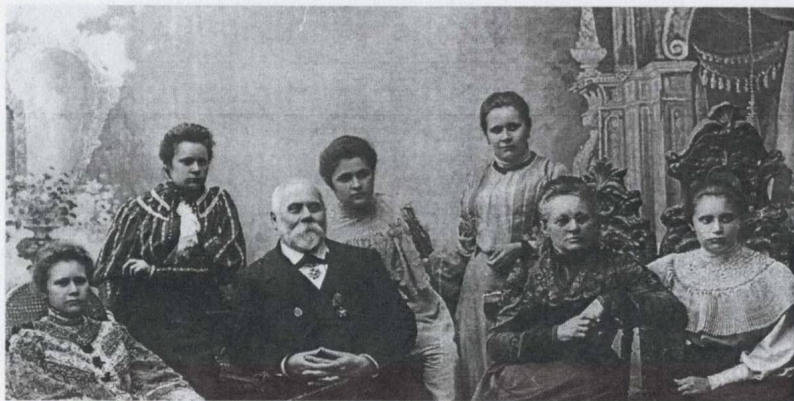

Завод Заседателева, начало XX века.

Спиртзавод и его основатель

Из истории ливенского «Этанола»

По-разному в разное время называли это предприятие: вино-водочный завод Заседателева, просто водочный, спиртзавод. В годы последних реформ его переименовали в акционерное общество «Этанол». Но ливенцы в большинстве своем зовут его «спиртзавод».

Ф. А. и Г. Н. Заседатели с дочерьми, начало XX века.

Годом становления его считается 1870 год, так что немного осталось и до полуторавекового юбилея. Дате открытия завода предшествовало время акцизной системы, когда каждый мог производить алкогольную продукцию. Дело дошло до того, что стало выгодным переплавлять медную монету на котлы для производства водки. Винокурение распространялось в России с бешеной скоростью. В деревне Быково Ливенского уезда подполковник Чебышев открыл винный завод, в Николаевке то же самое сделал Мишин, а в селе Татарский Брод – Башкатов. Пьянство достигло умопомрачительных размеров, и по медицинским последствиям, низкосортная водка привела к массовому появлению алкоголиков, что в России до 1861 года – начала эпохи капитализма – не наблюдалось, так как русская ржаная водка не вызывала глубокие патологические изменения в организме.

Как раз на время открытия вино-водочного завода Заседателева приходится попытка реформировать акцизную систему и, безусловно, то, что задумал Федот Алексеевич Заседателев, приветствовалось государством, так как предполагалось производство алкоголя на современном оборудовании, качественного, с хорошей очисткой. Правда, сначала на предприятии трудилось всего 10 человек, но скопив денег, промышленник Заседателев расширил производство, благо располагалось оно почти в самом городе на Воробьевке, так называли слободу за Пересыханкой, до железнодорожного пути было рукой подать, - он начинался на станции Ливны. А когда в 1896 году

железную дорогу стали строить в сторону Мармыжей, то она подошла вплотную к заводу. Это удешевляло доставку сырья, отгрузку готовой продукции и делало производство более доходным.

Человек неторопливый и обстоятельный, Федот Алексеевич Заседателев завоевывал рынок алкоголя постепенно. Возвел грандиозное по тем временам здание, начинил его качественным оборудованием, построил амбары, склады и вспомогательные помещения, проходную. Рядом вырос двухэтажный кирпичный дом для работников завода.

На заводе производились спирт и вина, которые успешно конкурировали не только в Орловской губернии, но и за ее пределами.

Капитал рос, и он его использовал рачительно. Построил склады на углу Казанской (К. Маркса) и Пушкарной (Капитана Филиппова) улиц. Заимел доходные дома, которые сдавал либо жильцам, либо под магазины, так, например, на Красной площади возле Староникольской церкви сдавал помещение купцу С. Д. Савкову под рыбный магазин. Кроме того, торговал зерном, мельничными продуктами, водкой и спиртом. Здесь следует сказать, что в рамках борьбы с алкоголизмом правительство проводило разные эксперименты. До 1885 года водка продавалась на вынос только целиком не менее ведра, потом заменило кабаки на трактиры. Если в первом можно было приобрести «голую водку» без закуски, то в трактире нужно было купить к водке закуску, что приводило к меньшему опьянению. К этому времени Ф. А. Заседателев к водочным магазинам прибавил и трактир, находившийся на крутом берегу Сосны (теперь библиотека имени Пушкина). Правда, по некоторым сведениям в этом здании располагался ресторан, что более правдиво, так как не к лицу рядом со зданием Дворянского собрания (ныне Дом культуры) быть мужицкому трактиру.

Принимаемые властью меры не давали заметного результата в части уменьшения спаивания народа, поэтому последовательно, начиная с 1894 года, в России вводилась водочная монополия, которая завершилась в 1902 году, а это значило, что Ф. А. Заседателев и другие были лишены права вести торговлю алкоголем в магазинах. Поэтому с этих пор ливенский заводчик весь произведенный продукт продавал государству и хранился он в монопольном складе при заводе, а государство распоряжалось им по своему усмотрению.

А вообще, Заседателев был не только заводчиком, но и занимался земледелием. В 1881 году приобрел имение в селе Гуцин Колодезь Елецкого

уезда, около 800 десятин земли. Начал с внесения навоза в почву, потом глубоко вспахал плугами и результат дал о себе знать — урожаи выросли в разы, зерно потекло потоком в амбары вино-водочного завода.

Полтора — два десятка дополнительно занятых человек дали прибыль, да к тому же содержали для собственных нужд коров, свиней, овец, телят, а для сельхозработ — 90 лошадей и 12 волов.

Кроме того, в этом же селе Заседателев в 1897 году построил еще один завод и тоже винный, а неподалеку в деревне Жилево завел конный завод. Так что в море предпринимательства Федот Алексеевич чувствовал, как рыба в воде.

В Ливнах у него был дом, в котором жил с семьей, на углу Казанской и Новоникольской (Дзержинского), он цел и поныне. Вместе с супругой Глафирой Николаевной воспитали четверых сыновей и пятерых дочерей. Старший сын Георгий женился на дочери елецкого купца I гильдии, почетного гражданина Ельца, члена Государственной Думы М. С. Жаворонкова Екатерине. Третий сын Михаил вступил в брак с дочерью ливенского купца В. А. Бондарева Пелагеей, которой после смерти отца в 1900 году перешла по наследству водяная мельница на реке Тим в Евланово, одна из крупных в Ливенском уезде. Сын Георгий имел землю под Русским Бродом в селе Васильевском и хозяйствовал там.

Ф. А. Заседателев не отправлял деньги за границу (что свойственно нынешним российским олигархам), а вкладывал их в развитие экономики Ливенского уезда и Орловской губернии. Власть замечала таких, предприниматель получил две государственные награды: орден Святого Станислава 2 степени «За развитие промышленности и торговли» и орден Святой Анны 3 степени. Он гордился этими орденами и носил их. За усердие и меценатство ливенцы присвоили ему звание почетный и потомственный гражданин, он избирался 15 раз в уездную земскую думу. И даже возглавлял Орловское общество сельского хозяйства, — значит, не только в спиртоводочном деле был специалистом.

Благотворительных дел, которые совершил Заседателев, не счесть. Это и помощь учебным заведениям и больницам, домам инвалидов, бедным. На его деньги выстроена внутренняя церковь в реальном училище, помогал он русскому флоту...

Незадолго до событий 1917 года Ф. А. Заседателев умер, а тут грянула революционная буря и разметала Заседателевых в разные стороны света. Известно, что многие оказались в северной столице,

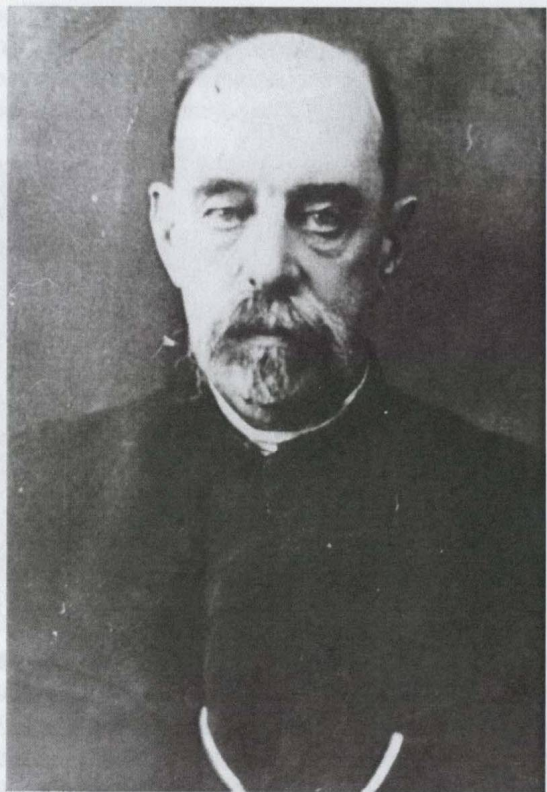

Похороны Ф. А. Заседателева.

а сын Михаил, инженер-электротехник, работал в двадцатых годах на строительстве Волховской электростанции, позднее был репрессирован. Некоторые из потомков проживают ныне в Петербурге.

Что касается вино-водочного завода, то он был национализирован, производство, как тогда говорили, «перевели на социалистические рельсы», пошла борьба с буржуазными пережитками, в тридцатых годах развернулось стахановское движение за наивысшую производительность труда, а в конце тридцатых — поиск «врагов народа», двое расстреляны: электромонтер Т. Ф. Найденев, 63 лет и счетовод Н. Г. Щедрин, 40 лет.

В 1970–1980 годах завод, выпуская спирт, подвергался серьезной реконструкции, была выполнена надстройка к существующему зданию, выстроено несколько других зданий. Расширился ассортимент за счет выпуска соков, дрожжей, вина. В эпоху наступивших реформ завод стал акционерным обществом «Этанол». Его продукция демонстрировалась на многих выставках и ярмарках, завоевав десятки медалей разного достоинства. Да и вообще, имела популярность в народе ливенская водка как «вкусная и мягкая».

Врач-бессеребреник Маслов

На правом берегу реки Сосны в паре километров от села Жерино цепочкой вытянулись небольшие деревни: Положенцево (Козловка), Михайловка, пос. Урицкий, Петровка, Костомаровка, Окуневы Горы. Эти поселения возникли в конце XVIII – начале XIX веков и не разрослись в большие села. В начале XX века все вместе насчитывали чуть больше двухсот дворов с населением 1200 человек.

И достопримечательностей здесь не так уж много. Разве что живописные берега реки Сосны, петляющей среди черноземных полей. Да еще в Окуневых Горах (Окуневке) родился именитый человек Иван Михайлович Горский, ставший командиром авиационной дивизии в годы войны, генерал-майором. А еще в этой части уезда бывал известный русский писатель Всеволод Михайлович Гаршин. Давно это было, в 1878 году. Приезжал он сюда к своей тетке по отцу Александре Егоровне Костромитиной. А потом и еще навещал, видно, понравились ему эти места.

А южнее деревни Петровки буквально в трех-четыре километрах раскинулся памятник природы – «Апушкина гора». Этот уголок ливенской земли богат такими редкостными растениями, занесенными в Красную книгу, как лапчатка донская, солонечник узколистый, лук неравный...

В этом уголке ливенской земли жил помещик Михаил Николаевич Маслов – интересный человек, который оставил след в местной медицине. Еще во время правления царя на собственные деньги он построил больницу. Она до недавнего времени служила людям под официальным названием Новоселковская, но в народе ее звали «Масловская». М. Н. Маслов был высокообразованный врач, типичный представитель земской медицины. Он прошел ординатуру в Москве, лечил крестьян окрестных деревень бесплатно.

Дом его стоял в центре деревни, был кирпичный. От главного входа к реке Сосне вела липовая аллея, которая заканчивалась каменными сходами в воду. Рядом раскинулся сад, обсаженный черной и красной бузиной. В саду имелось хорошо освещенное место с плантацией клубники. Росли разные сорта, но в особенности выделялся, наверное, заграничный, – ягоды светлооранжевые, конусообразные, крупные, необыкновенно нежные и душистые. Пространство сада разделялось аллеями: кленовой, вязовой, березовой. А вдоль всего сада со стороны реки возвышалась тополевая аллея, особенно кра-

сивая. За садом росла малина разных сортов. Вблизи усадьбы стоял «ближний» лесок – сосновый, чуть поодаль – «дальний», смешанный.

Михаил Николаевич Маслов был рачительным хозяином, нанимал агронома, сам следил, как ухаживают за полями крестьяне.

После установления советской власти в Ливенском уезде в 1918 году поместье Маслова было национализировано, ему пришлось уехать в Ливны. Отлученный от сельских забот, он всецело отдавал себя медицине. Его по праву считают основоположником местного здравоохранения в двадцатых годах прошлого века. Расширяется больница в городе, организуется глазное отделение, начинает принимать зубной врач, открываются аптеки. Михаил Николаевич приглашает молодых врачей, – хирурга Удовыдченкова, гинеколога Щеглову. Приезжает из Москвы способный врач Петр Баженов. К 1925 году создается хирургическое отделение на 45 коек, больница располагает в это время 165 местами, начинает работать туберкулезный диспансер. В хирургическом отделении осваивают сложные операции.

Тем временем в 1926 году на базе усадьбы Маслова организуется коммуна имени Свердлова, через несколько лет реорганизованная в колхоз.

Маслов продолжает трудиться на поприще медицины.

Казалось, ничего не может омрачить жизнь увлеченного Маслова. Но в конце двадцатых годов заканчивается время терпимости к «бывшим». Ведется поиск «врагов народа». Вот и попадает тогда под огонь критики М.Н.Маслов – заведующий больницей в Ливнах. На него обрушивается газета «Красное знамя», орган власти Елецкого округа, куда входил тогда Ливенский район. Было это в январе 1929 года, за подписью «Ник. Задонский» в газете помещен фельетон «Го-меопатия». Автор язвительно пишет: «... помещик, спекулировавший своими знаниями и получавший за это жалование от земства, сбежал после Октября к белым, но скоро повернул оглобли назад, почувствовал себя старым чудаком – помещиком <...> ко всем придирался, на всех кричал и топал, был настоящим старорежимным держимордой, за что его выгнали из союза и лишили избирательных прав, и сняли с работы...»

Далее Ник. Задонский иронизирует «Когда же появилась заметка в газете, напомнившая ему, что царя Николая не существует, чудака — помещик обиделся, пришел домой и умер...»

Н. Маслов (в центре) с медработниками.

Нам неизвестны эти подробности из жизни М. Н. Маслова, но если данные, приведенные писателем С. Леоновым, соответствуют действительности, то судьба его глубоко трагична — в период репрессий он отстраняется от любимой работы за «буржуазное прошлое». Болезненно переживает врач несправедливое решение властей — принимает яд и уходит из жизни.

Но вернемся к фельетону, вот его продолжение: «... В морозном воздухе, — продолжает автор, — зычно гудели колокола всех церквей, бесконечное количество венков «дорогому и любимому» плыло среди пестрой толпы...»

Газета продолжает: «...Но суть дела не в этом. Факт церковных похорон Маслова нас не интересует». Так что же встревожило Ник. Задонского? Среди венков, возложенных на прах помещика, были венки от советских организаций... Своего любимого врача, хоть и в бывшем помещика, хоронил весь город, в том числе и советские организации.

Лукавит автор по поводу «старорежимного держиморды». О чем свидетельствуют отзывы старожилов о Маслове, в частности, Мария Семеновна Монаенкова, 1901 года рождения, вспоминала: «Я работала медсестрой у Маслова. Честный и душевный человек. Как-то было собрание в больнице, у меня пальто украли с вешалки. Михаил Николаевич узнал об этом, подошел: «Не волнуйтесь, все уладится». И дал мне 200 рублей, на которые я купила себе новое пальто...»

После образования колхоза, по воспоминаниям старожила этих мест В. Т. Зароченцевой, сделанным в 1996 году, масловский сад заботливо оберегали колхозники. Подсаживали саженцы вместо засохших деревьев, опиливали яблони. На Троицу собирались жители окрестных сел и деревень от мала до велика, — из Михайловки, Петровки, Барсово, Букреевки, Калинино, Окуневых Гор... Веселились, пели песни. А в середине тридцатых годов даже проходила сельскохозяйственная выставка. Все нарушила война. Деревья пошли на блиндажи, сучья — на топку. Но и после окончания войны жители не смели вырубать оставшиеся деревья. Лишь в конце прошлого века пришли сюда разруха и запустение.

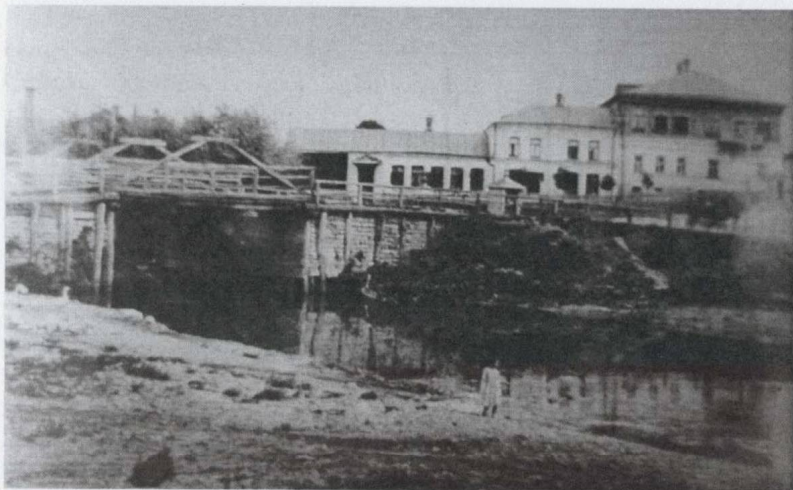
В заключение все же вспомним М. Н. Маслова. Вот что рассказывала давным-давно работавшая у него в Ливнах в больнице прачка Евдокия Колосова: «Барин был добрый, простой народ лечил бесплатно. Когда после 1917 года уехал в Ливны, его однажды посетили двое крестьян из Козловки. Он попросил их привезти сундук, рассказал, где его закопали. По замерзшей реке переправились на санях, нашли то место, откопали, привезли сундук, попросили показать, что за тяжелый груз в нем. Маслов открыл замок, поднял крышку, в сундуке лежали книги...»

Мост через Пересыханку по ул. Староникольской (ныне Поликарпова). Слева — церковь Новый Георгий.

Ливенские мосты

Если город пересекают реки, глубокие овраги, то без мостов не обойтись. Это весьма важное сооружение, пропускающее транспортные потоки или пешеходов. И каждый мост Ливен имеет свою историю.

*Деревянный мост через Ливенку
находился там же, где нынешний.*

Первое упоминание моста через реку Сосну мы обнаружили в книге Г. Пясецкого «История города Ливен...». События происходили в 1593 году, то есть, спустя семь лет после начала строительства крепости. Тогда Сосна считалась пограничной рекой между Московским государством и Крымским ханством. В Ливны съезжались послы, здесь велись переговоры, отсюда отправлялась в Крым дань. В ноябре упомянутого года сюда приехал князь Фёдор Хворостинин со свитой, от татар прибыл уполномоченный Ахмет-Паша. Москвичи звали татар на свой берег, татары — на противоположный. Соглашения не было, и тогда договорились, всё-таки, вести переговоры на мосту на середине реки, так сказать, «ни вашим, ни нашим». Из описания следует, что в 1593 году мост на Сосне в Ливнах уже был. Но какой, неизвестно. Правда, на картине Н. Оренбургского, изображающей переговоры, мост показан. Но художественное произведение не может являться историческим свидетельством. Вероятно, мост напоминал тот, который существовал позднее, вплоть до начала шестидесятых годов прошлого века. Был он низкий, возвышался над водой не более метра, стоял на деревянных сваях. Во время весеннего половодья скрывался под бурлящей водой. В это время сообщение между городом и слободой Беломестной прекращалось. Помнится,

в 1960 году, когда мне довелось впервые приехать в Ливны, мой сосед по гостинице сетовал: «Живу в Никольском, приехал в Ливны, а назад вернуться не успел, вот и коротаю время в гостинице, пока вода не спадёт». После половодья мост приходилось постоянно ремонтировать, на что уходили не малые деньги.

В начале шестидесятых годов прошлого века строители начали возводить новый мост.

Ещё двадцать лет назад была попытка рядом с мостом поставить понтонную переправу. После изучения вопроса оказалось, что проект и само сооружение стоило бы больших денег и от затеи отказались. Теперь остановили мост на ремонт, так как сооружение сильно изношено. Вот бы во время ремонта на въезде установить памятную доску с упоминанием, что с этим местом тесно связана наша история. Ведь важные, так сказать, международные встречи на нём происходили много раз.

Уже в наше время построен и второй мост через Сосну — новый, который соединил Георгиевский микрорайон с Беломестной. Грузопотоки с должанского направления теперь могут миновать город, выходя на окружную дорогу и далее — за пределы Ливен.

Что касается переправы через речку Ливенку, то первая, вероятно, построена при возведении крепости Ливны и стояла вблизи Заливенской наугольной башни Кремля, размещённой на мысу при впадении Ливенки в Сосну. Башня была проездной, и дорога от неё вела в Заливенскую казачью слободу большого острога. Чуть выше размещалась мельница с плотиной, а это значит, что можно было попасть в Заливенку и через плотину, по крайней мере, пешим ходом. Из Ливен выходила дорога на Елец и позднее построили мост через Ливенку в начале Елецкой (ныне Свердлова) улицы. По берегам возвели каменные опоры, на которые опиралась деревянная конструкция также с деревянным настилом и ограждениями. Возвышался мост над зеркалом воды на четыре метра. В семидесятых годах прошлого века тут же был возведён мост из железобетона.

Далее расскажем про мосты через речку Пересыханку (от неё сейчас остался овраг). После принятия 14 марта (старый стиль) 1780 года плана города началась застройка местности за этим глубоким оврагом. Вот тогда и был построен деревянный мост на улице Красной (ныне Пушкина). Он несколько раз реконструировался, прежде чем приобрести современный вид, который появился два десятка лет

Переправа через Сосну существовала со времени строительства Ливен.

назад. Был и ещё мост через этот овраг на нынешней улице Поликарпова (ранее Староникольская). Сооружение было деревянным на высоких сваях.

А теперь об истории железнодорожного моста, который называют «чугунным». Кстати, изготовлен он не из чугуна, а из крепкой мостовой стали и построен в послевоенное время. Первый мост был воздвигнут в 1897 году, о чём свидетельствуют цифры на одном из опорных быков, и потребовался для прокладки пути железной дороги Ливны — Мармыжи. Сначала, в 1871 году, вступила в строй «железка» Верховье — Ливны, первая узкоколейная коммерческая дорога в России. В связи с ростом хлебных грузов, спустя шестнадцать лет, началось строительство дороги до Мармыжей. Она стала нормальной колеи, и прежняя узкоколейка была перешита на новую. В ту пору и мост построили. Но судьба его оказалась трагичной. Сначала, во время гражданской войны, при отступлении частей Красной Армии его пытались взорвать. Но, либо взрывников у красноармейцев не было хороших, а может потому, что спешили, одна из опор лишь соскочила с катков, и пришедшие отряды добровольческой армии быстро поставили её на место. Вторая беда пришла в сорок первом году. Верховный главнокомандующий И. В. Сталин приказал отступающим не оставлять врагу никаких ценностей, и в результате подрыва металлические остатки искорёженной формы оказались в воде.

Но потом немцев прогнали и, военные строители соорудили деревянный мост ниже по течению метрах в пятидесяти от взорванного. Он здорово помог армии, а однажды, перед Курской битвой, по нему на спецпоезде к местам предстоящих боёв проезжал маршал Г. К. Жуков.

Эту переправу уничтожила стихия — в весеннее половодье сооружение начало трещать и разрушаться. Как вспоминал сапёр, полный кавалер орденов Славы из Дросково Иван Черкасов: «Солдаты, не щадя себя, пытались спасти мост, но несколько человек погибли в разбушевавшейся пучине». До середины семидесятых годов их братская могила находилась вблизи моста, потом захоронение перенесли в городской сад.

После окончания войны, в 1945 году, старый мост восстановлен. Конфигурация фермы — типовая, её изготовили вновь, а быки-опоры остались прежними. Старые металлоконструкции долго торчали из воды, но в эпоху массовой сдачи металлолома исчезли. На правой опоре имеются отметки подъёма воды во время наводнения. Самая высокая — 781 сантиметр — относится к 1940 году, в 1970 году уровень воды поднимался на 770 сантиметров.

В последнее время поезда по мосту ходят редко, но иногда появляются сообщения, что по железной дороге пустят быстроходные составы. Когда это случится, неизвестно.

А вот история понтонного моста через Сосну, который находится ниже «чугунного» моста в двухстах метрах. Установлен он на месте Кирпичного брода — переправы татарских войск при их движении на Ливны или дальше. В пятидесятых годах прошлого века бурно развивался завод «Ливгидромаш». Значительное количество рабочих проживало в Горностаевке, Барково, Коротыше. Проход по железнодорожному мосту был строго ограничен, за этим следила военизированная охрана. Вот и занялся строительством переправы завод. Сначала соорудили подвесной мост, но он оказался ненадёжен и недолговечен, потом, в начале шестидесятых годов прошлого века построили наплавной мост на металлических бочках, а спустя пятнадцать лет — по проекту отдела механизации завода — понтонный. Длина моста 50 метров, в весеннюю распутицу его вытаскивают на берег, а когда уровень воды в реке стабилизируется, ставят на место. Это нехитрое сооружение здорово выручает дачников с «Карабаха», а также жителей деревни Горностаевки.

Проходит время, мы так привыкли к нашим мостам, что просто не замечаем их. Но они, как люди, — у каждого свой облик, свой возраст, своя судьба.

НКЗ — СССР 19. 10. 42 г.

ШТАБ
1154 **ИЗВЕЩЕНИЕ**
СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА

338 Стрелковой Дивизии
Ваши *лейтенант*
Борзаковский Олег Николаевич
муж, сын, брат, воинское звание

1942 г.
убиен *Орловской обл. с Ливны, у Вдербитского*
область, район, деревня и село

в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив
героизм и мужество. Был *убит 25/07 (Шалы) 1942*

убит, ранен и умер от ран
похоронен *Богородо, Смоленская обл. вблизи ст. Вдербитского*
место похорон

Настоящее извещение является документом для возбуждения хода
тайствия о пенсии (приказ НКЗ СССР № _____)

Военный комиссар
Борза, Комиссар

М. П. *Почта Могилы 1942*

Похоронка на Олега Борзаковского.

Война из первых уст

В этом повествовании мы решили познакомить наших читателей с письмами, которые писали ливенцы с фронта своим родным. Все, кто писал их, не вернулись на родину, оставшись навеки лежать на поле брани. Приводим также выдержки из писем, направляемых на фронт.

Олег Борзаковский, учился в ливенской школе, любил музыку, играл в духовом оркестре. Но грянула война, и он попал в военную школу под Москвой. Пишет домой 29 декабря 1941 года: «Дорогие папа и мама... Если бы вы знали, как мне хочется взглянуть на вас... У меня было большое беспокойство, что Ливны оккупировали фашисты, ведь мама — член партии, и я думал, что ее убили немцы. И вот получаю письмо, что мама жива. Сколько было радости. Я с этой открыткой бегал, как малый ребенок... Я сыт, обут и одет: валенки, шуба, шапка...»

В 1942 году после обучения Олегу присвоили звание лейтенанта, направили в действующую армию. Весточки от него стали короткие, торопливые: «... Жив, здоров, прошу вас, пишите чаще. Не обижайтесь, что плохо написано — все время в боях около Можайска. Бежит фашистская сволочь...» Строки из другого письма: «... Дорогой папа, ты пишешь: отец Толика Козловского говорил, что Толик тяжело ранен в живот. Это неправда, я его сам выносил с поля боя, он ранен в ногу. Это было под Ельней. От нас убежал Денисов с фронта. Если он покажется дома, то передай ему, жив буду, лично расстреляю его, не посмотрю, что был он мой друг... Я слышал, что Ливны сильно пострадали от боев. Напиши подробно... Вы у меня спрашиваете, на каком направлении я нахожусь. Мне выпала большая честь защищать Москву...» В своем последнем письме Олег шутит: «... Пока я воюю, постарайтесь мне найти жену с коровой... Когда теперь придется увидеться с вами, не знаю. Но ничего, живы будем — не помрем, а помрем, то спляшем...» Оно датировано 30 июля 1942 года, а спустя почти два месяца мама Олега Дарья Васильевна получила весточку с незнакомым почерком: «Мы, бойцы и командиры... переживаем тяжелую утрату — смерть вашего сына и нашего боевого товарища. Мы поклялись отомстить за Олега... Умрем, но не отдадим на поругание врагу нашу землю!»

Погиб наш юный земляк 25 июля 1942 года в бою у деревни Бочарого Смоленской области, о чем сообщает похоронка.

А вот письмо от Алексея Бахтина. Первое и последнее: «Письмо из г. Грязи, 1941г., 15 ноября. Здравствуйте, дорогие мои папа, мама, брат Миша, сестры Маня, Клава, Валя... Я вам сообщаю, что нахожусь со своими ребятами, так что весело... Нас уже обмундировали, все дали теплое, скоро пойдем в бой бить фашистов. Мама, адрес мой неизвестен... Привет всем родным и знакомым. Ваш сын А. Бахтин». А потом в семью Бахтиных на Ямскую слободу пришла

Июнь 1942.

Здравствуйте дорогие родные - Тата, Сергей Петрович, Алма, Серенка, Папа, мама Мика - много Вам класный привет с фронта и все лето всего занималось в Вашей науке и работе.

Учебный год уже сейчас закончился и ксерся сейчас мне это скоро надвигается и второй учебный год уже так близок время, что и не споминать как наступит второй день.

Какие новости получили от Шуры или совсем нет ничего это мне Галина всего волнует? Вы мне напишите об этом, где сейчас Шура и где Мика?

Моя работа вы здесь - это упирается

Иван

Письмо Анатолия Тихонова.

похоронка. Молодых бойцов бросили в ноябре 1941 года под Дросково, чтобы противостоять наступающим на Ливны и Елец немецким частям. У села Сетенево и погиб парень из Ливен. Его фамилия выбита на обелиске, который установлен на братской могиле в селе.

Василия Красногорцева призвали в армию в январе 1942 года, сразу же после освобождения Ливен от немцев. После обучения попал на передовую линию фронта, которая пролегла недалеко от родного

дома. Вот первое письмо с фронта: «...2 мая в 8 часов вечера мы находились левее Студеного в деревне Баранчик. Немцы – рукой подать. Значит скоро в бой...» Правильными оказались предчувствия Василия – 30 июня 1942 года немцы начали осуществление крупнейшей операции под названием «Блау», предусматривающей захват Ливен, Ельца, далее – Воронежа, Сталинграда. В пекле жесточайшего сражения оказался и Василий Красногорцев: «... Привет с фронта!... Ведем с врагом сильные кровопролитные бои», — пишет он домой. Просит не волноваться о нем и добавляет: «... сильно скучаю по вас»... Последний бой для него был у деревни Казинка. Автоматная очередь прошила ему живот, руку, когда шел в разведку. Товарищи доставили его в санчасть, потом отправили в госпиталь. Не выжил юноша, похоронен в братской могиле деревни Зубцово Покровского района.

Помнится, лет тридцать назад принесла фронтовые треугольники своего брата Ивана Белых Мария Дмитриевна Анисимова из Георгиевской слободы. Работал Иван до призыва на фронт на инкубаторной станции, воевал на калужской земле. Пожелтевшие от времени треугольники с печатью «Проверено военной цензурой» сообщали о военной жизни. В последнем Иван писал: «Действующая армия, 31 декабря 1941 года. Привет, мои дорогие родители и сестры! Поздравляю вас с новым 1942 годом. Желаю здоровья и счастья!... Сейчас мы освобождаем деревню за деревней... У меня набежали слезы, когда узнал, что освободили Ливны... Может, придется погибнуть, без этого войны не бывает, но будущие поколения будут вспоминать о нас, как об освободителях от фашистской чумы... Что натворили в Ливнах немецкие бандиты? В честь нового года нам прислали подарки. С боевым приветом, ваш сын Иван».

Воевал Иван Дмитриевич Белых в звании младшего лейтенанта в 298-м отдельном пулеметном батальоне имени Моссовета, был ранен на поле боя под городом Медынь. Товарищи отправили его в госпиталь, но по дороге он умер. Это случилось 13 января 1942 года.

Колхозник из села Бараново Федор Кузьмич Переяславцев погиб в Курской битве под Малоархангельском. В последней своей весточке с фронта, датированной 2 июля 1942 года писал жене: «Фронтной привет вам, Елизавета Васильевна (так он называл жену), дочка Нина, сыночек Толя... В армии не положено много писать. Милая Лиза, вы зовете меня побывать дома. После победы я к вам приеду и будем все отстраивать вновь...». Верил солдат в победу, погиб ради нее, но не суждено было сбыться мечте Федора Переяславцева.

А. Ф. Тихонов.

Война перевернула судьбу тысяч ливенцев. Анатолий Тихонов работал учителем истории в Успенской средней школе, учился заочно в Курском пединституте. Загремела военная гроза и его, одним из первых забрали на фронт. Регулярно писал родным, в частности, Сергею Петровичу Волкову, мужу сестры, работавшему преподавателем в педтехникуме (после войны он выпустил книгу

Открытое письмо А. Тихонова С. П. Волкову.

«Ливны»). Писем много: и треугольники, и прямоугольные иллюстрированные конверты. О событиях на фронте скупое — военная цензура перечитывала каждое письмо и недозволенное нещадно замазывала черной краской. В последней весточке Анатолий сообщает: «...Идут дожди... продвигаемся вперед, работы много...». Она датирована 23 октября 1943 года, а через месяц пришла похоронка в Ливны: старший лейтенант Тихонов Анатолий Федорович убит 22 ноября при защите рубежа на реке Сож. Его потомки лет пятнадцать назад разыскали место захоронения Анатолия, положили цветы к обелиску, поклонились...

Приходили в Ливны письма и из-за линии фронта. Дело в том, что немало наших земляков партизанили в тылу врага и писали своим родным. Немало весточек доходило до адресата. И письма Сергея Руднева приходили не его родину. Ему было всего семнадцать, когда наш город освободили от немецких оккупантов, и он рвался на фронт. Его зачисляли в спецшколу, готовящую диверсантов, потом забрасывают в белорусские леса к партизанам.

Осуществляется мечта Сергея бить фашистов, о своей жизни пишет домой: «Уже давно я не имел возможности переслать весточку на большую землю. Кругом — враги, они и в форме, и переодетые.

Фронтовой треугольник А. Тихонова сестре в Ливны.

Фашисты свирепые. Они не могут уничтожить нас, поэтому бомбят партизанские деревни, сжигают дома жителей... Врагу нет пощады, везде его находит партизанская пуля... Очень хочется видеть вас, но это невозможно... прошу сохранить все мои учебники и книги...» Наверное, мечтал Сергей учиться, после того, как враг будет разбит, но не судьба... Отряд попал в окружение. На рассвете Сергей Руднев лег за пулемет, чтобы прорвать кольцо. Был ранен, отказался уходить с товарищами, отстреливался до последнего патрона. А когда немцы подбежали к нему, чтобы расправиться, вытащил гранату и выдержал чеку. И перестало биться сердце нашего земляка. Остались лишь его письма.

О горькой доле в тылу писали на фронт своим сыновьям и мужьям жители города и района. Письма проходили через Елецкий пункт цензуры, прочитывались, анализировались. Некоторые осели в архивах, не дойдя до места назначения. Могилевцева из Черкасской слободы писала: «Дорогой муж, я тебя попрошу хлопотать насчет своих детей... Сходи в свой штаб, попроси оказать помощь, так как я имею трех фронтовиков и пять малолетних детей, а мои сыночки Шура и Леня заслужили награды – медаль «За отвагу» и положили головы за Родину, а мать их куска хлеба не получает... голодаем»...

Это письмо было направлено в Орловский облисполком. Что там сделали для облегчения жизни семьи Могилевцевой нам неизвестно...

Родственники на братской могиле, где похоронен А. Тихонов.

Из колхоза «Мировой Октябрь» Речицкого сельсовета Агаркова пишет отцу: «...Дорогой папа, опишу тебе свое горе. Наша мама умерла, что нам теперь делать, хлеба нет, нечего варить, варим одну траву. Нам придется с голоду умирать, просим хлеба в сельсовете, говорят, хлеба нет. Папа, попроси у своих начальников, может быть, пустят домой определить нас»...

О разном рассказывают фронтовые письма земляков. И хоть обращены они к своим родным и близким, но, по существу, обращены к каждому из нас, к нашим сердцам, мыслям и чувствам. Поэтому и дороги нам эти пропахшие порохом бесценные документы войны.

Содержание:

Покушение на Александра II и первый почетный гражданин Ливен	3
Трагедия 143-го полка	9
Спиртзавод и его основатель. Из истории ливенского «Этанола»	13
Врач-бессеребренник Маслов	18
Ливенские мосты.....	23
Война из первых уст	28

Геннадий Витальевич Рыжкин.

Краеведческие записки.

Выпуск пятый.

(сборник статей)

Содержание:

Покушение на Александра II и первый почетный гражданин Ливен	3
Трагедия 143-го полка	9
Спиртзавод и его основатель. Из истории ливенского «Этанола»	13
Врач-бессеребряник Маслов	18
Ливенские мосты.....	23
Война из первых уст	28

Геннадий Витальевич Рыжкин.
Краеведческие записки.
Выпуск пятый.
(сборник статей)